

Экран и сцена -
2002 - окт (~36) -
9/16.

Светлана НЕМОЛЯЕВА:

«Я сама сотворила свою судьбу»

«Спасибо за то, что вы есть. За то, что ваш голос весенний приходит как добрая весть в минуты обид и сомнений...». Это стихи с открытки, присланной в Гильдию актеров кино России на имя Светланы Немоляевой. Она звезда в звездной труппе Маяковского. И думаю, нет смысла напоминать читателям ее спектакли и фильмы, лучшие из них — на памяти. Сама же актриса считает, что...

— Биография моя — как у многих: поражения, редкие и очень тяжелые победы. И разочарования, принесшие мне много горя. И все равно — это актерская жизнь, другой она не бывает. Случай же в любой актерской судьбе — счастливой или нет — всегда присутствует и что-то решает. Я, например, считаю, что, несмотря на почти шесть десятилетий моих фильмов, как киноактриса живу в нашей стране исключительно благодаря «Служебному роману» Эльдара Рязанова. Ну, может, еще его же «Таражу». Были несбывшиеся роли — в «Капитанской дочке», «Олеко Дундиче», в «Четвертом». До сих пор с содроганием вспоминаю восемь вариантов моих кинопроб на главную роль в «Иронии судьбы...», так и не утвержденный худсоветом «Мосфильма». Мне Рязанов чуть позже высказал: «Видит бог, я тебя очень хотел снимать, но с треском провалила ты все сама: можно было, конечно, и хуже показаться, но трудно суметь». У меня и самой было такое ощущение, будто я ни в театре никогда не играла, ни на съемочную площадку ни разу не выходила. Сегодня, уже задним числом, думаю, что меня тогда просто «забил» Андрюша Мягков. Он был такой смешной, такой искренний, непосредственный! И вся съемочная группа настроена была на него, а я так, в стороне где-то болталась.

А со «Служебным романом» было так — раздается со студии звонок: «Света, мы везем вам сценарий Рязанова. Вам удобнее его дома получить или в театре?» Сердце мое захолонуло. И лежу я ночью рядом с Сашей своим — он спит давно, расталкиваю его: «Чего тебе?» — «Вот скажи: может быть такое счастье, чтоб после провала в «Иронии...» мне дивную роль дали?» — «Спи. Не может быть такого!». Встретились с Рязановым: «Никаких проб я тебе устраивать не буду, просто будем работать. Я уже могу себе позволить пригласить актеров, которых хочу, — Фрейндлих, Басилашвили, тебя вот...» А уж во время съемок он меня очень осторожно и тщательно направлял.

Режиссер же уверяет, что хотел снимать Немоляеву еще в «Гусарской балладе», но должно было, видимо, пройти время, чтобы из хорошенькой инженерно сформировалась настоящая художественная индивидуальность: «В театре Маяковского шли наши с Брагинским пьесы «Родственники», «Сослуживцы», «Аморальная история». Так вот в «Родственниках» Немоляева играла нелепешее существо: близорукую, несмелую, даже неженственную какую-то старую деву, прилагавшую невероятные усилия привлечь внимание приглянувшегося ей парня. Это был абсолютный Чаплин в юбке! И увидев ее в этом спектакле, я понял не только, что наша драматургия — для нее, но и то, что передо мной — актриса широчайшего диапазона.

В жизни она человек, у которого, по-моему, на чисто отсутствует такое качество, как зло: такое ощущение, что ее совершенно невозможно вывести из себя, разозлить — даже в ситуациях «склочных». И может, поэтому работать с ней на съемочной площадке легко и приятно: она очень дисциплинированная, идеально выполняет все задания, буквально на лету подхватывает режиссерские нюансы».

Сама же народная артистка о себе несколько иного мнения: «В ролях я часто реву — меня в театре даже зовут «водопроводом», но меня и в жизни почему-то отождествляют с моими героинями и думают, что я женщина несчастная, а характер у меня скандальный. А это вовсе не так: я настырная — если мне что-то нужно, пружу, как танк».

Вообще-то, театральную свою карьеру Немоляева начинала с «Ревизора», в котором (в пятом классе!) появилась в роли Осипа. Кинобиография ее могла начаться намного раньше.

— Самым большим счастьем для нас в школе были моменты, когда со студии приезжал грузовик и полкласса увозил сниматься в панину комедию — в массовку, конечно. В годы войны моего папу Иван Александрович Пырьев взял к себе на фильм «В шесть часов вечера после войны». Там и началась моя «кинокарьера». Правда, осталась в фильме от моего участия лишь фотография.

Если кто не помнит: в фильме «В шесть часов вечера после войны» герои-артиллеристы получают собранную воспитанниками московского детского сада посылку, а в ней, кроме конфет и носков, — фотография воспитательницы тети Ваври в облике Марины Ладыниной, окруженной воспитанниками. Среди «воспитанников» — Све-

точка и Коля Немоляевы, дети второго режиссера этой картины. А еще — Андрюша Ладынин, сын режиссера-постановщика и исполнительницы главной роли. Так что фотография — официальное, так сказать, свидетельство «дебюта» в кино нынешней популярной актрисы театра и кино.

— Сегодня я позволяю себе и на кинопробы не ездить: нужна — смотрите в театре. Или в любом из фильмов с моим участием. А в самом начале кинобиографии своей я никак не могла привыкнуть к себе — «кинозвезде». К тому, что мое имя на афишах, что я представляю страну на зарубежных кинофестивалях или на премьерах.

Окружение мое в детстве было самым необыкновенным. Родились мы с братом перед войной, время было суровым, но для нас все равно божественным. Мы ездили с родителями на съемки, поскольку оставить нас было не с кем. У нас с братом игрушек-то каких-то особых не было, росли мы совершенно самостоятельно.

Несколько слов о членах семьи Немоляевых. Вышеупомянутый папа — Немоляев Владимир Викторович, режиссер десятка фильмов, в которых снялись Штраух, Ванин, Целиковская, Жа-

ров. Мама — звукооператор, сценарист Валентина Львовна Ладыгина. Брат, тот самый Коля с фотографии, — Николай Владимирович Немоляев, один из известных наших операторов. Дядя Константин Немоляев в пятидесятые-сороковые годы снялся в тридцати фильмах, играл на сцене Театра Революции, куда наша героиня приходила на спектакли с участием ее кумира — Марии Ивановны Бабановой. Так что можно сказать, что актерство у Светланы Владимировны в генах.

— Вступительные экзамены в театральные вузы я сдавала, что называется, «всером». Но осталась на Щепкинском, потому что будущий мой педагог, профессор Леонид Андреевич Волков сказал мне: «Никуда не ходи, ты будешь у меня учиться». Заканчивала училище с красным дипломом, пятью главными ролями в инсценировках. И хотя была я любимой ученицей Леонида Андреевича, хотя и предложил мне большую роль в своем спектакле главный режиссер Малого театра Борис Иванович Равенских, двери театра для меня закрыли: Волков и Равенских смертельными, можно сказать, были врагами. В итоге я оказалась без работы. И распределили меня в

русский театр города Фрунзе, в Киргизию. Но тут меня утвердили на роль Ольги в фильм-оперу «Евгений Онегин». В какой-то мере она стала отражением моего на тот момент собственного самочувствия: жить, не задумываясь, радуясь жизни. Съемки проходили в Павловске, я была там впервые, и это стало одним из счастливейших периодов моей жизни — я купалась в стихах Пушкина, в музыке Чайковского, в старине, в архитектуре. Вернулась со съемок и оказалась у разбитого корыта: театры укомплектованы, приглашения в кино неизвестно когда будут. И будут ли... Я ведь была в тот период незамысловатой такой простушкой, кудрявой, толстенькой, с румянцем во всю щеку. Но однажды раздался телефонный звонок — мой однокурсник по Щепке должен был показываться Охлопкову и попросил меня подыграть. Разыграли мы отрывок из «Укрощения строптивой». Я, естественно, Катарина — толстая, подслеповатая, с писклявым голоском. И Петруччо меньше меня ростом, худенький. Охлопков хохотал до слез. И взял меня: «Ты смешная, но если сможешь играть серьезные, нервные роли, будешь работать у меня». При Охлопкове я за семь лет работы в театре Маяковского двадцать три роли сыграла! Начала, между прочим, еще не будучи в штате, с Офелии — с самым молодым тогда московским Гамлетом Эдуардом Марцевичем. Эдик с тех пор день премьеры как собственный день рождения отмечает.

Репертуар Немоляевой поначалу составляли трогательно-бесхитростные «девушки с косичками». Чтобы хоть как-то их разнообразить, актриса пыталась прятаться за смешными париками, нелепой одеждой. Педагог по Щепке посоветовал ей тогда: «Хочешь сменить амплуа — худей. По внутренним данным ты можешь играть и Джульетту, и Офелию, по внешним же — твоими героинями будут только «фросы с трудностями».

Рождение актрисы Светланы Немоляевой можно обозначить с точностью едва ли не до минуты: это окончание премьерного спектакля и аплодисменты ее героине — Бланш Дюбуа из «Трамвая «Желание» по пьесе Теннесси Уильямса. Было это 30 декабря 1970-го.

— Не простаивала я у Гончарова, не была обижена и режиссерами, ставившими спектакли в нашем театре, — Марком Захаровым, Петей Фоменко, Сережей Яшиным.

За сорок с хвостиком лет работы в Маяковке Светлана Немоляева с Александром Лазаревым лишь однажды вознамерились уйти из театра. Александр Сергеевич рассказал: «Светлану в театре очень обидели, и мы совсем решили уйти. Но потом перед нами извинились, и мы не стали искать судьбу. Тем более, что работы в театре всегда было много». В Маяковке они появились одновременно, Лазарев тоже подыгрывал на показе Охлопкову однокурснице по школе-студии МХАТ. Поженились в 60-м, сын Шурка (так зовут его в семье, и в этом уменьшительно-ласкательном обращении не только суть их семейных взаимоотношений, но и его характер) родился в 67-м. Единственной совместной работой «клана» Немоляевы-Лазаревы стал телефильм «Село Степанчиково и его обитатели», где Шурка проходит под фамилией А.Трубенкой.

— По прошествии лет история эта, конечно, кажется смешной, но когда Шурка поступил в театральный, в прессе были такие... Ну, не то, чтобы «гонения», но «укусы»: вот, все заполонили актерские дети! И я сказала: «Шура, ты Лазарев, да еще Александр, тебе будет трудно». Мы как раз все вместе снимались в «Селе Степанчикове...» — Шурка смешного такого Григория Видоплясова играл. Снимавшаяся там Валя Талызина говорит: «Да пусть он будет хоть Муравьевым-Апостолом или Пестелем — всем же все равно будет ясно, что это псевдоним». «Не-е, — говорю я, — замечательная фамилия есть: Трубенкой!» Так в титрах картины он и значится Трубенским. Но мы очень быстро поняли, что это блажь была, дура наша обща: ну какой же он Трубенкой?! Да он же вылитый Саша Лазарев — хоть и молодой, хоть и Шурка.

— А как вам, Светлана Владимировна, нынешняя реальность?

— Я в ней как страус: голову спрятала и думаю, что никому не видна. Старюсь уходить в свой дом, в свой театр, в Полинку и Сергея — своих внуков. Это и есть настоящие человеческие ценности. Жалею ли о чем-то? Нет, я сотворила свою судьбу собственными руками, о чем же жалеть?! Я люблю свой дом, люблю цветы в доме, готовить люблю. Приезжая в новый город, стараюсь его осмотреть, мы объездили Подмосковье, окрестности Ленинграда, Киева, многие древние русские города — ведь многое видеть, значит, и знать больше, значит, и играть лучше.

Беседовал Геннадий СУХИН

